

Дом, в котором тепло и уютно

«Где есть любовь, там места нет морали»

ГАЛИНА ЛАХМАН родилась в Магнитогорске. Окончила общеобразовательную № 53 и музыкальную школы. Печаталась в городских газетах, ее стихотворения под редакцией Николая Якшина (составитель Юрий Ильясов) подготовлены к печати.

Ждем сборника интересного автора с хорошей поэтической культурой и уже хорошо известного читателям города.

Галина Лахман окончила Ленинградскую академию художеств. Член Союза архитекторов. Ныне живет и работает в Санкт-Петербурге, публикуется там же в периодических изданиях.

Детство

1
Мне распахнул объятия
старый кров
И дал воды с осьмушкой
черной хлеба,
Смотрелся в окна частокол дворов,
А дальше – лес и озеро вполнеба.

Вдоль по забору расстился сад,
Спал под забором
бывший вор-острожник.
За старой баней пламенел закат,
И маялся на солнце подорожник.

Ватага отправлялась на причал,
Дремали мирно у причала лодки,
И что-то мне приветственно кричал
Вихрастый мальчик
в старенькой пилотке...

Казалось, время
повернулось вспять,
И я бегу, забыв про все на свете,
На склон судьбы,
где молодой рыбак,
Смеясь, раскинул солнечные сети...

2
Вновь дал приют мне
одичалый кров,
Глоток воды с осьмушкой
черствой хлеба.
Вновь ожили картины детских снов:
Тропа, поляна и над ними небо...

Змею грелась на песке река,
Над ней в небесно-голубой купели
Тянулись связкою устало облака
И о своем неслышно шелестели...

В траве кузнечик
проверял смычок,
Разучивая новую балладу.
Ему негромко подпевал сверчок
За старой печкой, выводя руладу.

В соседнем доме раздавался стук.
Тон всей округе задавал сапожник.
А по дороге, прямо через луг,
Был виден церкви
голубой кокошник.

Звонарь-мальчишка, разгоня сон,
Тревожил колокол
на старой колокольне.
И маялся над пашней долгий стон,
И затихал в далекой
старой штольне.

Я вновь стою под сенью
старых крон,
И звонко тишина поет от зноя.
И плыл, и плыл церковный
тихий звон,
Даруя мне мгновения покоя...

Земными соками питался
старый сад,
Запущенный, растущий как попало.
И яблоко, наполнив солнцем бок,
В мое окно из прошлого стучало...

КОМАХ > КСЕНИЯ СЕРГЕЕВА

Мне снится семья за столом,
За окнами сумрачно-хмуро.
Но дом – одаряет теплом
И золотом – шар абажура...

Влюбленных взволнованный смех
Проходит от форте до пьяно.
И дразнит игрою страстей
Насмешливое фортепьяно...

И настезь открыто окно,
Любви приоткрылась кулиса,
И юный кудрявый сосед
Мне яблоко дарит Париса...

И все смущены за столом,
Нарушена нить разговора.
Но льет золотое тепло
Священный подарок раздора.

Когда нахлынут стыни января,
Проступит сумрак
свежим сгустком синьки,
Виденьем снежным
проявлюсь из сини,
Тебе улыбку робкую даря...

Как солнца шар, качнется абажур,
Торшер застынет
одноглазой цаплей,
Дог вострепнется:
«Я вас ждал, не так ли?»
А с ваших уст сорвется каламбур...

Вдруг сердце наберет скачками бег,
Снег на губах оставит вкус полыни,
Вы скажете, вот так же падал снег.
Когда я вышла из январской стыни.

Вы вспомните,
вот так же падал снег,
А я стояла гордо на пороге,
На ваше: «Да?»,
я вам сказала: «Нет!»
И мне отныне нет сюда дороги!

Потом январь сменялся январем.
Летели дни,
размолвка продолжалась.
Все завершилось
тусклым серым днем:
Вдруг подле вас другая оказалась.

Тянулось время в сумрачную нить.
В нем не было ни взлетов,
ни падений.

Я одинокой странницей брела
По улицам утраченных видений.

Да, я не раз, тайком, дорогой той
Брела под окна старой мастерской.
Где за окном, моих источник бед,
Мелькал надменный женский силуэт.

И рвался дог из дома вслед за мной,
Заслышав звук шагов на мостовой.
Когда нахлынут стыни января,
Пить будем память,
как вино за встречу.

За мерным ходом дружеских речей
Вдруг обнаружим,
что давно не вечер.
Сойдет с ума и покачнется мир,
Пространство разлетится
на осколки,

Посмотришь мне в глаза и,
выждав миг,
Прядь отведешь и уберешь заколки.
Сквозь синий мрак засветится лицо,
Ночь растворится
в белизне подушки.

И в целое сольются наши души,
И с пальца соскользнет твоё кольцо.
И не было длиною в сотню лет
Зимы, и сердце неподвластно долгу.

Но женщина – та сразу все поймет,
Увидев мной забытую заколку,
Застынет, прижимая лоб к стеклу,
Исчезнет навсегда
в январской стыни...

Где нет любви,
там властвует мораль!
Где есть любовь,
там места нет морали...
Занозой в сердце –
царственный февраль,
Обрушивший тревоги и печали...

Вздыхался и клубился дым потерь.
Бард песнь хрипел
о тяготах дороги...
Я помню миг, когда открыл ты дверь:
Моя судьба стояла на пороге...

Гудела водосточная труба,
Шел сериал про нищих и буржуев,

Стучало сердце, лопалась губа,
Не выдержав накала поцелуев...

В безумном вихре
нас кружил февраль.
Никак не мог
замкнуться абрис круга,
И время нам распахивало даль,
Бросая нас в объятия друг друга...

Старела ночь, летели день за днем
Раскаты ссор и ...поле после сечи.
Но бог-гроссмейстер
сделал ход конем...
И тишина упала нам на плечи...

Снег за окном. Смятение и бред.
Сознание вернулось из тумана.
Как бритвой по глазам,
больничный свет
И сердце – словно рана,
словно рана...

Звук поезда, унесшего мечту,
Прорвался сквозь оклад
оконной рамы,
И крик его был слышен за версту
На фоне безмятежной панорамы.

Мне сквозь окно
приоткрывался мир:
Соседней церкви купола блестели.
Брел в рубище
бездомный странник Лир,
Взлетали в небо легкие качели.

Дитя резвилось, бегая в саду,
Ему, смеясь, кричали: «Тише, тише!»
Бумажный змей стремился в высоту,
Хозяйский кот
разбойничал на крыше.

И вновь звучала песня за стеной,
Манило небо первозданной тайной,
И, как обычно, в каждый выходной,
Гудела драка в придорожной чайной.

И чей-то голос властно звал меня
Лететь стрелой по лугам и чащам
На чей-то зов,
на дальний блеск огня,
Вслед за мечтой,
за поездом кричащим...

На балу у прошлого

В дом с окном венецианским
Темно-серого фасада,
Где, сверкая темной медью,
Двери в прошлое ведут,
Где атланты держат тайну
На плечах своих усталых, –
В этот дом на чашку чая
Вдруг меня и позовут.

Дом, где некогда застыли,
Встали стрелки циферблата –
Для меня он был когда-то
Теплый и любимый кров
Двери хлопали резные:
Мозаичное стаккато
Зазвучало прежним гимном
Старых каменных полов.

Темно-серые ступени
Мрачно-мраморных порталов,
Лифтов резкое блистанье
Важной платиной зеркал...
Мимо нимфы обнаженной,
Взор стыдливо опустившей,
Робкой Золушкой из сказки
Еду в прошлое на бал.

На звонок мне дверь откроет
Неулыбчивый хозяин.
Тотчас – мой приятель старый –
Встрепенется черный дог,
И подпрыгнет, и залает,
Морду к локтю мне пристроит,
Языком лизнет шершавым
И чесать подставит бок.

За окном венецианским
Нас приветившей гостиниой
Будет небо проноситься
В отражении зеркал.
Мы присядем у камина
Под картину старинной
И вдвоем уютном в прошлом
Под грядой черных скал.

Из клубка потянем память:
День был сумрачно-осенний,
Завывал колючий ветер,
Моросил усталый дождь,
И по набережной темной
Шаг печатали солдаты,
И стояла колокольня
В темном небе, точно гвоздь.

Томно бас гудел из недр
Мариинского театра,
Гулло хлопали плакаты –
Унисон колоколов.
Ты сказал мне: «Ну как знаешь...»
Я сказала: «Ну как хочешь...»
Мы сказали на прощанье:
«Будь здорова!», «Будь здоров!»
Нас потом встречали годы
Разведенными мостами,
Плыл корабль в неизвестность
Мимо наших берегов.

Оказалось – между нами
Пролегал расстояние
Ровно в тысячу парсеков,
А не в тысячи шагов.

Под окном венецианским,
Под зеленым абажуром,
За резным столом дубовым
Лишних мы не скажем слов.
Из бокалов черно-синих –
Из ночных – вина пригубим,
Вновь друг другу пожелаем:
«Будь здорова!», «Будь здоров!»

...Осторожно брошу камень
В воды Крюкова канала –
По воде пойдут разводы
Быстрых радужных кругов.
И заветную монету
Я, как в Лету, в воду брошу –
И с монетой канет в Лету
Наша вечная любовь.